

О тодорцах, русалках и прочих навях (мертвецы-демоны и "нечистые" покойники в весеннем календаре славянских народов)

Татьяна А. Агапкина

The authoress researched the so-called impure deceased - spirits of the dead, fairies, and the churchyard - within the spring ritual calendar of Slavic nations.

Для традиционной культуры славян актуально разделение всех умерших на две категории: с одной стороны, это предки-покровители (собственно *manes*), а с другой — покойники, умершие "неправильно": неестественной или преждевременной смертью, раньше положенного срока, в "плохое" и "опасное" время, умершие вне своего дома и потому оставшиеся без "правильного" погребения и поминаения (умершие "во мраке"); те, с кем после смерти произошли какие-нибудь неприятности, например, через покойника перескочило животное (условимся называть их "нечистыми" покойниками).

Эти две категории умерших (предки и "нечистые" покойники) различаются, среди прочего, и характером посвященных им посмертных церемоний. Как известно, "нечистые" покойники лишены церковного поминаения (их не отпевают в церкви, по ним не звонят в колокола) их обычно хоронят вне кладбища или на его периферии (за оградой, с краю, в углу); их не поминают во время традиционных календарных поминаний, регулярно совершаемых в церкви¹. Наконец, хорошо известно, что именно "нечистые" покойники являются тем "резервом", из которого в значительной степени формируется многоликий ряд славянских демонов.

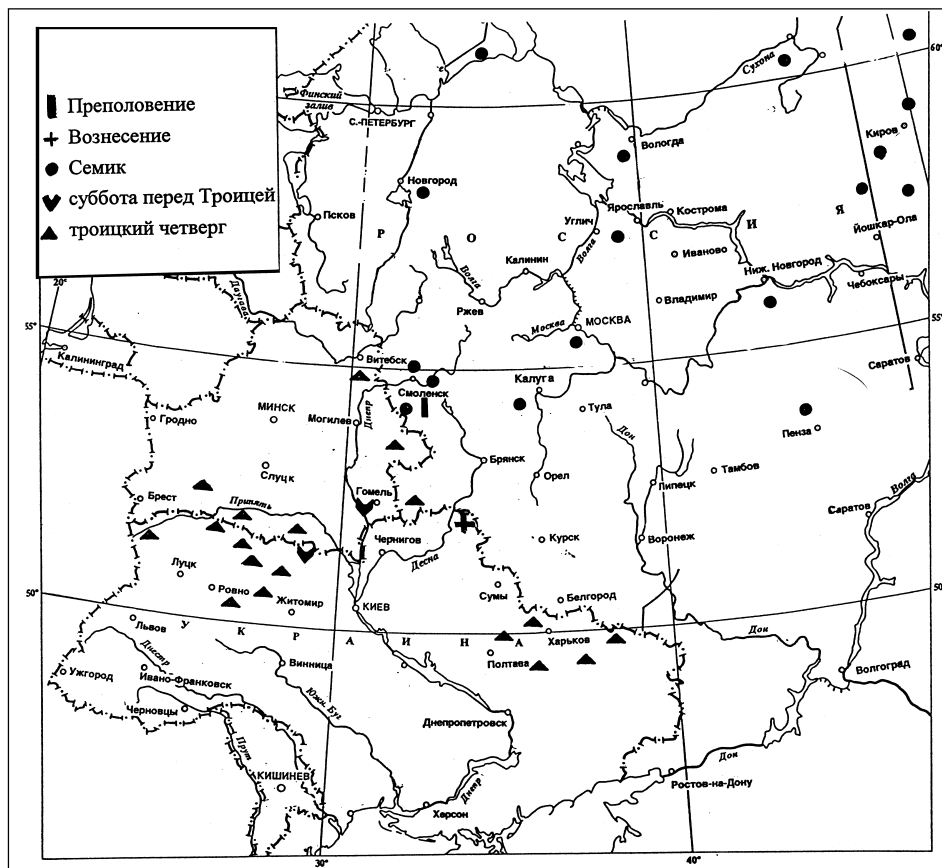
С другой стороны, среди самой нечистой силы есть категории демонов, которые отличаются от большинства других по крайней мере тем, что время их пребывания на земле ограничено одним календарным периодом, связанным, как правило, с каким-нибудь праздником или почитаемым днем. Таковы севернорусские шуликуны и южнославянские караконджолы, появляющиеся на святках, русалки и др. (назовем их календарными демонами).

Как нам представляется, где-то на "пересечении" двух этих категорий — "нечистых" покойников и календарных демонов — и возникли такие славянские персонажи, как тодорцы, русалки и, возможно, "нави" (во всяком случае в их восточнославянских ипостасях). В предлагаемых ниже заметках мы позволим себе в качестве гипотезы высказать некоторые соображения о соотношении мифологических и календарных составляющих этих персонажей.

¹ Единственным исключением является поминальная служба в мясопустную субботу, когда исполняется канон Федора Студита, в котором перечисляются все умершие, а с особой тщательностью те, кто умер "неправильной" смертью.

Св. Тодор и тодорцы

По наблюдениям Р. Попова, на севере Болгарии св. Тодор представлялся покойником, перевоплощенным после смерти в волколака и караконджола (*вкаракончен* или *овампирчен покойник*). Он появлялся по ночам из могил в течение всей Тодоровой (1-й недели Великого поста) недели, *като таласъм от гробища*, и

Карта 1: Поминки по «нечистым» покойникам в троицкий период у восточных славян

бродил по селу в облике караконджола или волколака до первых петухов, а затем вновь уходил в могилу. Он ездил верхом на белом коне и мог затоптать всякого, кого встретил бы на пути; смерть ожидала и тех, кого он мог ударить рукой или палкой [Попов 1991, 88-89]. Столь же опасным считался *Тудур* у болгар в Банате [Телбизовы 1963, 244]. О хтоническом, потустороннем происхождении св. Тодора свидетельствует то, что он был невидим для человека: в окр. Варны рассказывали, как однажды на Тодоровой неделе женщина, вопреки строжайшим запретам, расстелила на земле одежду для сушки и неожиданно услышала у себя над ухом голос: "Прибери ги или теб ще прибера". Это был св. Тодор [Тодорова 1990, 212].

Весьма определенная связь с покойниками прослеживается в поверьях и ритуалах, относящихся к тодорцам — невидимым хрым коням или всадникам (в облике людей, но с хвостами), которые бежали по земле на Тодоровой неделе или после нее; они, как и св. Тодор у болгар, нападали на припозднившихся путников и наказывали людей, нарушивших определенные бытовые и хозяйственные запреты, которые следовало соблюдать в это время (сев.-вост. Сербии, серб. Банат, Воеводина). Влашское население северо-восточной Сербии (жители Джердапа, Неготинской Краины и др.) видело в тодорцах — белых конях, предводительствуемых Великим Тодором и появляющихся во вторник на Тодоровой неделе, души умерших [Зечевић 1993, 262] или нечистых духов [Костић 1968–1969, 380].

Среди хтонических признаков, присущих "тодорцам", исследователи всегда обращали внимание на их хромоту, белый цвет коней и плащей, в которые были завернуты всадники, черты оборотничества (конь-всадник), а также на хорошо известную связь коня с хтоническим началом и погребальным комплексом [Зечевић 1981]. Добавим к этому еще некоторые детали. Весьма выразительно указание на то, что кони св. Тодора выскакивали прямо "из-под земли" [Бабовић 1963, 205, Срем]. Кроме того, тодорцы безусловно принадлежат темноте и мраку, и свет для них невыносим и опасен. Поэтому в течение всей Тодоровой недели люди стремились вернуться домой засветло, чтобы с наступлением темноты не встретиться с тодорцами [Милутиновић 1971, 148, Банат], не жгли огней ни в доме, ни снаружи (северо-восточная Сербия, гуцулы), а также рано ложились спать и поздно вставали, чтобы на них не напали тодоровы кони (Воеводина). Если бы тодорцы заметили свет в окнах, они бы разбили окна копытами и затоптали домочадцев [Босић 1996, 221, Воеводина].

И для св. Тодора, и для "тодорцев" важнейшим показателем их принадлежности к мертвецам-демонам оказывается временность их пребывания в "этом" мире (со вторника первой недели поста до вторника второй, с четверга по среду и др.) — черта, более характерная для покойников, периодически навещающих этот мир, чем для демонических персонажей как таковых. Заметим, что имя сербских демонов также представляет собой производное от соответствующего хрононима (Тодорова неделя, Тодорова суббота — тодорцы).

Таким образом, в тодорцах и св. Тодоре сочетаются черты, указывающие, во-первых, на их происхождение из "нечистых" покойников, и, во-вторых, на ограниченный календарный период их пребывания на земле.

Связь св. Тодора и тодорцев с покойниками подтверждают поминальные ритуалы тодоровой недели. В северных областях Болгарии 1-я неделя Великого поста была одной из главных дат ранневесенних задушек (наряду с мясопустной субботой). У болгар в Добрудже предков поминали в пятницу (*тудоровската душица*), а у болгарских переселенцев в Молдавии — в субботу. У румын, где первая неделя Великого поста связывалась с пребыванием на земле полуконей-полулюдей, называемых *Sin-Toadere*, в субботу в качестве поманы раздавали хлеб и воду и их же относили на кладбище [Кабакова 1989, 330].

Более того, 1-я неделя Великого поста в некоторых регионах на востоке Балкан предназначалась для поминовения особых категорий умерших. В Белоградчишко (сев.-зап. Болгария) Тодорова суббота считалась днем, когда вспоминали о тех, кто умер в течение прошедшего года [Попов 1991, 94], т. е. тех, кто (как и "нечистые" покойники) не завершил перехода на "тот свет" и не присоединился пока к сонму

предков. Так же в Банате и Среме в Тодорову субботу и пятницу готовили коливо и разносили его именно в те дома, где в течение года кто-то умер. Здесь же готовили хлебцы, аналогичные поминальным: просфорки и колачи в форме креста [Босић 1996, 219, 221]. Жители Заечара (сев.-вост. Сербия) были убеждены в том, что если покойник умер во мраке ("без свечи"), и по этой причине сохранялась опасность его посмертного "превращения", то спасти умершего от подобной участи можно многолетним постом в Тодорову субботу, считающуюся здесь праздником мертвых [Зечевић 1978, 385]. В Пловдивском крае матери, у которых в семье были умершие дети (также причисляемые к "нечистым" покойникам), соблюдали в память о них специальные запреты, в частности, в течение всей Тодоровой недели они не шили, чтобы не продырявить иглами выдолбленные дыньки ("кратунки"), из которых их умершие дети пили воду на "том свете" [Гребенарова 1989, 63].

Непосредственная связь поминальных ритуалов Тодоровой недели и поверий о тодорцах и св. Тодоре более всего заметна в том, что часть поминальных блюд, приготовляемых к задушнице, специально "предназначалась" тодорцам, а приготовленные хлебцы в форме подков (или с оттиском подковы сверху) имели значением умиловительного дара тодоровым коням [Босић 1996, 219–220]. Поминальные черты легко обнаружить и в конных соревнованиях, которые в Болгарии и Сербии устраивали в Тодорову субботу: например, на северо-востоке Болгарии перед началом ристалищ его участники объезжали кладбище, чтобы почтить умерших [Тодорова 1990, 213, Варна; Добруджа, 323].

С 1-й неделей Великого поста (а точнее с "тример'ом" – "трехдневным постом в начале Великого поста") связаны и другие представления, касающиеся "плохой" смерти. У болгар, сербов и македонцев человек, не доживший до конца "тример'а", считался "нечистым" покойником и великим грешником, на что указывают особенности его погребения. Умершего во время "тример'а" хоронили не на кладбище, а в общесельской мусорной куче, навозной яме или в крайнем случае с краю кладбища [Вукомановић 1925, 345; Тодорова 1990, 212, Варна], т. е. поступали с ним как с самоубийцей; такого покойника не вносили в церковь, и священник не отпевал его, а из дома его выносили не через дверь, а через пролом в стене [Странджа, 294, 296]. "Плохая" смерть приводила к посмертным превращениям умершего в демона. Согласно поверьям, известным там же, в Страндже, человек, умерший во время "тример'а", становился "сухим Тодором", наводящим ужас на людей в течение Тодоровой недели (*суото Тодорче е умряло през Тримерото*) или мог превратиться в вампира [Гребенарова 1989, 64; Странджа, 327].

Стать после смерти караконджолом могли также люди, зачатые, рожденные и умершие на Тодоровой недели [БМ, 165]; вот почему комплекс поминальных ритуалов, им посвященных, был до крайности редуцирован: в частности, в память о них, как и об умерших во время "тример'а", раздавали не коливо или поминальные хлебцы, а только сырое жито [СБНУ 1900, кн. 16–17, ч. 2, с. 21, Тырново].

Наконец, последнее, на что хотелось бы указать: в ранневесеннем восточно-балканском календаре Тодорова неделя считалась одной из самых неблагоприятных: с ней связано наибольшее число негативно окрашенных хрононимов, относящихся как к отдельным ее дням ("хромые", "кривые", "сухие", "безумные" и пр.), так и к самой неделе (*аталия, страшна, мръсна*); к ней же приурочена масса запретов, несоблюдение которых опасно для человека.

С учетом всего сказанного мы решаемся предположить, что в отдельных восточнобалканских регионах (северо-восток Сербии, северная Болгария, вероятно, Странджа) Тодорова неделя оказалась временем, когда на земле появлялись св. Тодор и тодорцы, воплощавшие все негативное, заключенное в этом опасном и неблагоприятном времени. Вместе с тем, свое происхождение эти календарные демоны, судя по всему, вели от "нечистых" покойников², а обычаи Тодоровой недели стали своеобразными поминками по ним и, отчасти, по недавно умершим.

Мы предполагаем, таким образом, что в славянском календаре "нечистым" покойникам, так же как и предкам, были "отведены" ограниченные периоды, когда они появлялись в "этом" мире, а в память о них устраивались своеобразные поминки и соблюдались многочисленные бытовые и хозяйственные запреты.

Важно подчеркнуть, что для поминовения "нечистых" покойников "отведены" именно те дни и недели христианского календаря, когда церковь не совершает официального поминовения усопших. В самой народной традиции дни поминовения "нечистых" покойников и предков также, как правило, не совпадают друг с другом. Так, на 1-й седмице Великого поста, когда в "этот" мир приходят тодорцы и св. Тодор, в православной церкви панихиды в храме не совершаются вообще, а поминовение происходит раньше, в мясопустную субботу, или позже — в субботы 2-й, 3-й и 4-й седмиц поста. В народной культуре поминовение предков ранней весной совершается либо по канону православной церкви (т. е. в мясопустную субботу или на 2-й неделе Великого поста), либо же в масленичную субботу, однако никогда — на 1-й (Тодоровой) неделе Великого поста.

Русалии и русалки

К южнославянским поверьям о "тодорцах" и св. Тодоре как "нечистых" покойниках, поминовению которых, как мы считаем, посвящена в значительной мере Тодорова неделя, более всего близки восточнославянские представления о русалках и, отчасти, южнославянских русалиях. Относительно первых можно считать доказанными по крайней мере три вещи. Первое: русалки (девушки, умершие до брака, утопленницы, дети, умершие до крещения, и нек. др.) принадлежат к числу "нечистых" покойников. Второе: время их пребывания на земле ограничено, как правило, троицкой (русальной) неделей, а само их мифологическое имя (*русалки*) есть в известной степени производное от соответствующего хрононима (лат. *rusalia* и пр., хотя бы и через южнославянское и вообще балканское посредство). И, наконец, третье: в течение этой недели люди особым образом поминают русалок, в том числе соблюдая запреты (см. работы Д. К. Зеленина и Л. Н. Виноградовой).

В пользу этого третьего тезиса говорит прежде всего то, что в троицкую (русальную) неделю поминки устраивали именно в тех домах, где были "свои русалки" (умершие молодыми девушки или дети, выкидыши у женщин, утопленники и под.): им оставляли еду, выносили во двор одежду и полотно, придерживались некоторых ограничений, свидетельствовавших о присутствии в доме душ, и т. д. [Зеленин 1995, 234–237; Виноградова 1986, 102, 107 и др.]. Поминки по русалкам

² Из этого ни в коем случае не следует, что мы пытаемся свести св. Тодора и тодорцев исключительно к "нечистым" покойникам. Их образы — своего рода "сплав" мифологических характеристик и свойств разных персонажей, среди которых следует прежде всего назвать св. Тодора как покровителя лошадей и всадников, "фракийского всадника", германского Вотана или Дикого охотника и мн. др.

происходили или в канун Русальной недели, или чаще в течение ее самой, а особенно интенсивно — в четверг, называемый *Русалкиной Паской*, *Русалкиным Великоднем*, *Кривым* или *Сухим четвергом*.

Вот характерное описание такого поминовения: "[В Русальную неделю] бабы под хатою вывешивают сорочку, юбку, фартук и намитку... Считают, что уже каждая дочка [русалка] до своей матери придет, и она уже возьмет все это и оденется. А которая уже мать не повесит, то та русалка уже ходит недовольная и плачет" [ПА, Брестская обл.]³.

Что касается южнославянских и восточнобалканских русалий, то хотя их причастность к покойникам (в том числе "нечистым") и к поминальному циклу не столь очевидна, тем не менее на отдельные факты все же стоит обратить внимание. Согласно отдельным свидетельствам с северо-востока Болгарии, *русалии* (*русалийки* и пр.) — женские демонические существа, происходящие из молодых женщин и девушек, повесившихся или умерших во время родов [БМ, 301], или же это просто души умерших, которые появляются в течение русальной недели вблизи старого кладбища [Беновска-Събкова 1991, 6]. Капанцам известно представление о том, что каждый человек, умерший во время русальной недели, был склонен к перевоплощению и после смерти мог превратиться в вампира [Капанци, 193]. У молдаван в Бендерах вторник после троицкой недели назывался *Сбучемул ши петречере русалилор*: в этот день женщины устраивали гуляния и провожали русалок в могилу [Кабакова 1989, 348]. У гагаузов Молдавии (переселенцев из северных районов Болгарии) в русальскую среду женщины шли на кладбище и оттуда "вводили" в село русалок (*русалилдри гетирерлд* 'русалок вводят'), а в понедельник по завершении русальной недели "провожали" их обратно [Сорочану 1995, 65].

Таким образом нетрудно заметить, что по своему мифологическому статусу русалки, русалии и тодорцы имеют между собой определенное сходство, лежащее в области их происхождения (из "нечистых" покойников) и посвященных им поминок, которые в свою очередь приурочены не к общим поминальным дням, а совсем к другим датам⁴.

Говоря о тодорцах, мы упомянули о том, что для мифологии Тодоровой недели актуальны не только появление тодорцев, но и в целом тема "плохой" смерти (например, "нечистыми" покойниками становились люди, умершие во время "тримера" или в течение Тодоровой недели). Троицкий период, как известно, также был связан с "нечистыми" покойниками вообще и с русалками, в частности⁵.

Прежде всего, вспомним хотя бы о Семике (четверге перед Троицей) — русском дне поминовения "нечистых" покойников, к которому еще в XVII в. было приурочено погребение погибших, казненных либо умерших от голода и болезней, в скудельницах, или убогих домах. Сведения о разнообразных формах поминовения "нечистых" покойников в Семик имеются из большинства северно- и центрально-русских

³ Здесь и далее тексты из Полесского архива приводятся в переводе на русский язык.

⁴ На связь тодорцев и русалок указывают и некоторые дополнительные факты. У румын в Банате Преполование Пятидесятницы носило название *Todorusale*: считалось, что в это время происходила встреча и сексуальные контакты женских мифологических персонажей русалий и мужских — коней св. Федора; а растение, которое русалии дарили своим избранникам, называлось *Todorușa* [Кабакова 1989a, 161].

⁵ Данные о поминовении "нечистых" покойников в троицкий период у восточных славян обобщены нами на карте 1.

областей [см.: Зеленин 1995, 129–134; на западе и особенно на юге России Семик известен мало, что явно говорит в пользу его северно-русского происхождения]. На Украине и в Белоруссии о "нечистых" покойниках вспоминали чаще на троицкой (русальной) неделе (в Русальный четверг), либо несколько раньше – в Преполование Пятидесятницы или на Вознесение.

В этнографических описаниях, относящихся к троицкому периоду, среди "нечистых" покойников наиболее часто фигурируют две категории умерших: утопленники и дети. Так, на северо-востоке России (Вятский край) считалось, что Семик установлен именно в память об утопленниках [ВФНК, 130]; на Смоленщине в Семик от людей требовалось соблюдение запретов, связанных с водой: нельзя было ни мыть, ни стирать, ни полоскать, иначе в семье непременно кто-нибудь бы утонул [РАМ]. На Сумщине утопленников поминали на 6-й неделе после Пасхи (вероятно, в Вознесение): "В шесть недель яйцо кидают на воду, хоть и не святое. Может, из родных моих кто-нибудь где-нибудь утопился, так он ждет это яйцо. Тогда ходят на кладбище вечером, напекут яиц, возьмут водки, сядут на какую-нибудь могилу, на свежую, и поминают" [ПА]. В украинском и белорусском Полесье в день Преполования Пятидесятницы люди не купались, чтобы в семье никто не утонул; не работали, чтобы не попасть в бурю на воде и чтобы лодка не перевернулась во время рыбной ловли. Никогда не купались в Русальный четверг: считалось, что в этот день русалка купает своих детей-"русаленят" и непременно утащит с собой в воду кого-нибудь из людей [ПА]. В некоторых регионах Полесья утопленникам была посвящена вся Русальная неделя. Так, в Ровенской обл. Украины, "когда у кого есть утопленник [в семье], то на Русальницу не шьют и не стирают всю неделю – для утопленника. Будто бы иначе в роду кто-нибудь еще утопится" [Толстая 1995, 261].

Значительно реже поминовение "нечистых" (утопленников, повесившихся, некрещеных и мертворожденных детей) происходило вместе с поминовением предков. Это могло иметь место в субботу накануне Троицы, когда православная церковь поминает умерших [Толстая 1986, 103; Зеленин 1995, 134, 334], а также в другие дни. Например, у сербов в Банате в четверг перед Троицей совершалось *изливање воде за свет мртве*: старые женщины шли на реку и лили воду для солнца, месяца, удавленных и повешенных, а также в память о всех своих предках [Босић 1996, 321].

Что касается детей, умерших до крещения, то на Украине и в Белоруссии поминки по ним устраивались их матерями в Русальный (троицкий) четверг. Чаще всего матери приглашали нескольких малолетних детей и угощали их кашей, кануном и другой поминальной пищей [Милорадович 1991, 207, Полтавская губ.]. В других случаях матери не только угощали детей, но и специально покупали к этому дню крестики и раздавали их детям. Считалось, что таким образом они могут окрестить своих умерших детей и ввести их в царство Божие [Харьковский сборник, 296]. В зап. Македонии (Струшко) поминовение умерших детей происходило единственный раз в году – в Духовскую субботу, когда женщины раздавали глиняные сосуды для воды "за мали деца", а затем поливали их могилы водой [Делиниколова 1960, 168]. В Скопской Котлине матери, имеющие умерших младенцев, давали детям в Духов день украшенные цветами сосуды с водой [Филиповић 1939, 402].

Своеобразной формой поминовения умерших детей (малолетних, но не обязательно некрещеных) является запрет есть ягоды и другие сезонные плоды до

Вознесения, Троицы, первого дня Петрова поста, Видова дня, летнего Иванова дня, Петрова дня. Матери, у которых умирали дети, не ели сезонные плоды до одного из этих дней, а в сам праздник раздавали черешню, вишню, яблоки и другие плоды по соседям и родственникам в память о своих детях (вост.-слав., юж.-слав., вост.-пол., вост.-словац., карпат.). Считалось, что тем самым мать как бы "дає їх своїм дітям" [Шейковский 1860, 37, Подолье]. В Воеводине, прежде чем попробовать сезонные плоды, матери на Вознесение относили их на могилы своих умерших детей [Босић 1996, 316].

Таким образом, помимо официального поминовения умерших, совершаемого православной церковью в субботу накануне Пятидесятницы, в народной традиции восточных и, отчасти, южных славян имелись специальные дни (Вознесение, Семик, Преполование Пятидесятницы, Русальный четверг), когда люди (обычно родственники) устраивали своеобразные поминки по "нечистым" покойникам, принадлежавшим к их семьям. На значительной территории, заселенной восточными славянами, главным объектом поминовения (выражающегося в угощении, одаривании одеждой и полотном, а также многочисленных запретах) были русалки – "нечистые" покойники, которые после своей преждевременной смерти превратились в календарных демонов. Там же, где поверья о русалках не получили особого развития (Россия, север Белоруссии и др.), в троичский период люди поминали утопленников, некрещеных младенцев и других умерших неестественной смертью. В народной традиции окказиональное поминовение "нечистых" покойников в один из названных выше дней сосуществовало с массовым поминовением всего сонма предков в Духовскую субботу накануне Троицы.

Нави

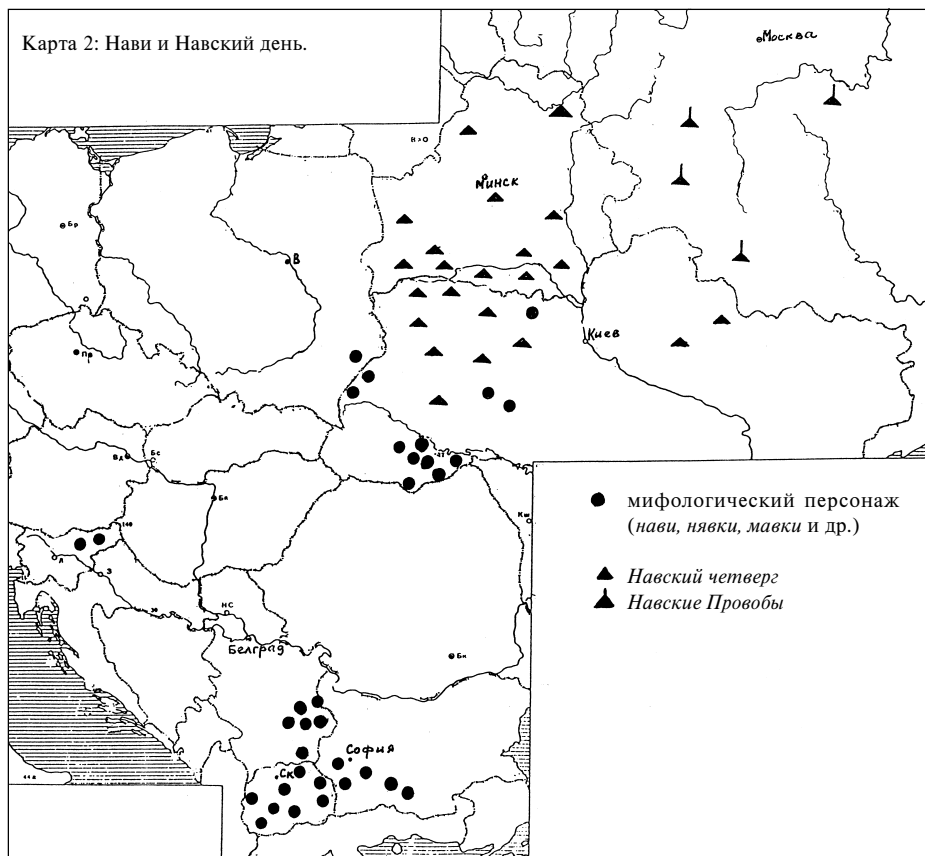
Более сложной оказывается ситуация с южнославянскими, украинско-карпатскими и украинскими персонажами, условно объединяемыми под именем навий. Напомним, что зап.-болг. *нави*, *навяци*, *навйете*, *навляки* и др., макед. *нави*, *навјаци* и др., вост.-серб. *нави*, *навке*, *навоји*, *мави*, *маве* и др., словен. (штирий.) *navje*, *navje*, *navje* обозначают демонические существа, в которые после смерти превратились души некрещеных младенцев, мертворожденных детей (иногда – души женщин, умерших в родах). Южнославянские "нави" чаще всего имеют орнитоморфный облик (птенцы, цыплята, большие черные птицы и др.), выдают свое присутствие характерным писком или свистом, ведут себя агрессивно по отношению к людям; главная их злокозненная функция – нападать на свою мать и на рожениц, мучить их в течение 40 дней после родов, высасывать у них молоко, лишать сна, насылать болезни, душить детей, выпивать кровь у новорожденных и их матерей; нападать на пастухов и конюхов по ночам, выпивать молоко у овец и коров и т. п. В отличие от русалок и тодорцев сведений о сезонности их пребывания в "этом" мире немного: временем их появления иногда называют Благовещение, пасхальную неделю и Вознесение⁶.

Персонажи со сходными названиями (ср. *нявки*, *наўкы*, *мавки*, *маўкы*, *майки* и под.) известны и в украинских Карпатах, а также спорадически – в других регионах Украины. За этими именами закреплено два основных персонажа – в детском и женском обликах.

⁶ Эти сводное описание южнославянских "навий" основано на корпусе источников, которые мы не раскрываем за неимением места (подробный обзор источников см.: Филиповић 1968).

Гуцульские нявки обозначают души некрещеных младенцев, мертворожденных детей, а также детей, убитых своими матерями непосредственно после рождения; навки опасны для человека, т. к. нападают на детей и женщин, сосут у них кровь, душат женщин [Гнатюк 1912, 191; Онищук 1909, 59, то же у юж. славян]. Украинские мавки – некрещеные младенцы или дети, уворованные вскоре после рождения дьяволом; они живут в лесах, а на Пасху собираются на крестный ход к церкви и

просят себе креста [Lud, 1907/13, 123; Покутье]. В отличие от южнославянских навий и гуцульских нявок у украинских мавок "вампирские" функции не выражены [Гринченко 2, s.v. мавки; Чубинский 1872, 206, 207].

Кроме того, в Украинских Карпатах и на Украине теми же именами могут обозначаться женские персонажи (реже – персонажи зооморфного облика, например, в виде кошек ⁷), по своим функциям и внешнему виду приближающихся как к восточнославянским и карпатским русалкам, так и к болгарским русалиям ⁸.

⁷ Кошачий "имидж" украинских нявок объясняется, вероятно, чисто языковым фактором, ср. укр. *няўкати* 'мяукать'.

⁸ Во всяком случае именно такая ситуация сложилась на Гуцульщине, где "нявки" взяли на себя функции и русалок, и "навей"; вместе с тем, у бойков и лемков "нявки" практически не были известны.

Они появляются чаще всего на троицкой неделе или в Петров пост; танцуют и вытаптывают траву (гуцулы); приглашают к себе на игрище овчара, который играет для них на сопелке (Галиция); они обитают в воде и могут затащить туда человека, решившегося в это время купаться (Буковина); ходят по лесам (гуцулы, Черниговщина); насылают засуху, вихри, болезни (гуцулы) и др.

Таким образом, украинско-карпатские и украинские персонажи типа "мавок" и "нявок" обнаруживают черты, роднящие их как с южнославянскими "навьями", так и с южнославянскими "русалиями", "русалийками" и под. В любом случае несомненно, что украинско-карпатские и украинские "нявки" принадлежат к "нечистым" покойникам, превратившимся (как тодорцы и русалки) в календарных демонов. Однако в отличие от тодорцев и русалок, соответствующие украинские и карпато-украинские термины, обозначающие этих демонов, не зависят от хрононима (ср. выше: "русалки" от "русалий", "тодорцы" от св. Тодора и Тодоровой недели), а скорее сами являются источником формирования определенной группы календарных терминов.

Судя по результатам предпринятого нами картографирования, область распространения соответствующих названий мифологических персонажей (*нави*, *няўки*, *мавки* и др.) непосредственно соприкасается с областью распространения хрононимов *Навский (Намский) четверг*, *Навский Великдень*, *Навская Пасха*⁹. На Украине и в Белоруссии этот хрононим относится иногда к Страстному четвергу, а чаще — к четвергу пасхальной недели и обозначает поминальный день, когда люди совершают характерные поминальные действия на могилах (убирают, чистят, оставляют там еду, угощают нищих и т. п.)¹⁰. Однако вновь обращает на себя внимание тот факт, что в православной церкви на Страстной и Светлой седмицах поминальные службы в храме не совершаются. Иными словами, мы не в первый раз убеждаемся в присутствии в народной традиции поминального дня, противоречащего канону православной церкви и связанного с темой "нечистых" покойников, хотя в данном случае эта связь не столь очевидна, как у тодорцев и русалок, и имеет скорее "этимологический" характер. Ведь, как мы полагаем, названия карпато-украинских и украинских "нявок" и "мавок" послужили основой для хрононимов типа *Навский Великдень*, подтверждением чему служит ареальное соотношение хрононима и имени мифологического персонажа.

Говоря о тодорцах и русалках, мы приводили примеры того, что и на Тодоровой неделе, и в троицкий период существовали дни, когда поминали этих мертвецов-демонов, а также вообще — всех "нечистых" покойников. Не стал в этом смысле исключением и пасхальный период. В дни и недели, предшествующие Пасхе и следующие за ней, совершаются специфические ритуалы поминовения "нечистых" или недавно умерших покойников. Как и в других случаях, они не совпадают ни с официальными церковными поминовениями, ни, как правило, с народными календарными поминками, посвященными предкам.

⁹ Соотношение названий демонических персонажей типа "нави", "мавки" и хрононима см. на карте 1.

¹⁰ На некоторых сопредельных территориях Белоруссии и Украины пасхальный четверг мог называться *Мертвых Великдень*, *Умерших Пасха*, *Тамтых душ Пасха* и под., В России (см. карту 2) термин "навий" изредка встречается в составе сложного хрононима *Навьи Проводы*, обозначающего понедельник или вторник Фоминой недели.

Среди восточнославянских пасхальных ритуалов, связанных с поминовением "нечистых" покойников, наиболее заметно обыкновение "угощать" их остатками пасхальной пищи по прошествии праздника (в среду или четверг пасхальной недели). Так, например, на Гомельщине в тех семьях, где был утопленник, после Пасхи на воду пускали кости пасхального поросенка [ПА]; на юге России, "чтобы помянуть утопленников", на воду спускали пасхальную скатерть и скорлупу от крашенных пасхальных яиц, а "чтобы помянуть удавленников" — подвешивали к потолку кости поросенка [Занозина 1991, 76, Курская обл.]. Аналогично у румын и молдаван остатки пасхальных трапез предназначались убитым, утопленникам, висельникам, а также "блажинам" и "рахманам" [Кабаква 1989а, 162]¹¹. У капанцев за неделю до Лазаревой субботы женщины раздавали хлебцы в память о "нова душа", т. е. о покойниках, умерших в течение последних 40 дней, при том, что основные весенние задушки для предков устраивали у капанцев в саму Лазареву субботу. В тех же местах в пасхальную субботу женщины, в чьих семьях были недавно умершие, раздавали в память о них просфорки и крашенные яйца [Капанци, 215, 223].

Издредка поминовение "нечистых" и недавно умерших покойников могло происходить непосредственно по четвергам на Страстной и пасхальной неделях (т. е. по четвергам, которые могли называться *навскими*). На Гродненщине в Страстной четверг на кладбищах устраивали поминки на свежих (последнего года) могилах [Шейн 1890, 616–618]. Гродненский обычай находит соответствие в белорусском диалектном слове *наўці*, обозначающем недавно умерших, в память о которых в Виленской губ. отмечался *Наўскі вялікдзень* и совершались поминальные ритуалы [ППГ, 166].

Наконец, целый ряд фактов указывает на то, что Страстной и пасхальный четверги посвящались не всем "нечистым" или недавно умершим покойникам, а именно "мавкам" и "нявкам" — некрещеным младенцам и мертворожденным детям. Например, на юго-западе Брянщины, если в доме был ребенок, умерший некрещеным, то в память о нем в Страстной четверг устраивали обед [ПА]. В Харьковской губ., а также в других местах, четверг пасхальной недели назывался *Мавский* или *Мавчын великдень* (т. е. был производным непосредственно от укр. *мавка*). *Мавки* 'души умерших некрещеными детей' выходили в это время из воды и оставались на земле до Преполовления или до Троицы [Зеленин 1995, 165–166]. В *Мавчын великдень* кое-где устраивали семейные поминки по умершим детям. Например, на Витебщине в пасхальный четверг, называемый *Навске Скрисённе* [Воскресение], "нужно было сварить столько белых яиц, сколько в семье было умерших детей, и съесть их на открытом месте, покатав предварительно по траве, чтобы невинные дети с высоты неба видели и благословляли помнящую их семью" [Никифоровский 1897, 244].

Таким образом, у восточных славян в околопасхальный период были дни, предназначенные для поминовения "нечистых" покойников (прежде всего некрещеных младенцев), а также недавно умерших. Чаще других для этого выбирали четверги на Страстной и пасхальной неделях. Название этих дней (*Навский великдень* и под.), этимологически восходящее к др.-рус. и ц.-слав. *навь, навье* [Фасмер; БЕР,

¹¹ Вероятно, это объясняется известной ущербностью остатков, в связи с чем их можно рассматривать как своего рода "антипищу".

s. v. *navi*], как нам кажется, более непосредственно связано со славянскими названиями демонов-мертвецов типа "нявки", "мавки", на что указывает соприкосновение областей распространения обеих групп терминов в восточнославянском диалектном пространстве¹² (хотя нельзя исключить и возможности независимого развития обоих значений — 'имя мифологического персонажа' и 'хроним').

В контексте сказанного возникает соблазн несколько иначе, чем это делается обычно, взглянуть на известное место из "Повести временных лет" (под 1092 г.) о происшествии в Полоцке, который подвергся ночному нападению "навий", избивающих жителей и оставляющих на их телах смертоносные язвы:

"Предивно бысть чюдо Полотъске в мечте: бываше в нощи тутън, станяше по улици, яко человеци рищюще беси. Аще кто вылезяше ис хоромины, хотя видети, абые уязвен будяше невидимо от бесов язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хором. Посемъ же начаша в дне являтися на коних, и не бе их видети самех, но конь их видети копыта; и тако уязвляху люди полотъския и его область. Темь и человеци глаголаху: яко навье бьють полочаны" [Предивное чудо явилось в Полоцке в наваждении: ночью стоял топот, что-то стонало на улице, рыскали бесы, как люди. Если кто выходил из дома, чтобы посмотреть, тотчас невидимо уязвляем бывал бесами язвою и оттого умирал, и никто не осмеливался выходить из дома. Затем начали и днем являться на конях, а не было их видно самих, но видны были коней их копыта; и уязвляли так они людей в Полоцке и в его области. Потому люди и говорили, что это мертвецы бьют полочан] [ПВЛ, 91]¹³.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в данном летописном контексте *навье* скорее означает 'ночные демоны', нежели 'мертвецы', как обычно переводят указанный фрагмент из ПВЛ. В пользу этого предположения говорят как минимум два обстоятельства. Во-первых, если сравнить приведенный контекст с другими, где употребляется слово *навь*, *навье* в древнерусских текстах XII–XVI вв., например, "яко и навь из гроба", "из навии въскрьсе", "навьмь мвьвь творять", "приходили к намь навья мытса" [СРЯ XI–XVII X, 45], то становится заметна разница значений. Во всех других случаях *навьям* не приписывается каких-либо злокозненных действий (они ведут себя как обычные предки), в то время как в сообщении о происшествии в Полоцке речь идет о несвойственном для предков нападении навий на людей ("навье бьють полочаны"). Во-вторых, в самом летописном контексте нападающие ("нави") дважды называются "бесами" ("яко человеци рищюще беси", "уязвен будяше невидимо от бесов язвою"), что также совершенно нехарактерно для восприятия предков как таковых. В совокупности с данными современных южно- и восточнославянских диалектов (где *нави*, *няўки*, *мавки* и под. обозначают мифологических персонажей, обычно достаточно агрессивных) это дает повод, чтобы предположить для др.-рус. *навь*, *навье* наличие периферийного (или окказионального) значения '?нечистый, ?опасный покойник', развитием которого, хотя бы отчасти, являются современные названия мифологических персонажей типа "навей", "нявок" и "мавок".

¹² О связи слов *навий*, *навский* с Пасхой и пасхальной тематикой указывает и характерное украинское поверье: если работать на пасхальной неделе, у человека (в качестве наказания) вырастет так называемая "навская косточка" (характерный нарост на ноге).

¹³ О сходстве этого места из "Повести временных лет" и южнославянских поверий о тодорцах уже упоминалось в специальных работах [см.: Зечевић 1981; Толстой 1990].

Подытожим вышесказанное.

”Нечистые“ покойники, так же как и предки, появляются в ”этом“ мире в определенные календарные периоды и дни. В некоторых славянских традициях ”нечистым“ покойникам приписывается способность к посмертному превращению в демонов, благодаря чему мифологические системы этих традиций пополняются календарными демонами-мертвецами. Для их мифологической характеристики значимы такие аспекты образа, как множественность, порой нерасчленимая (*нави, мави, русале, русалии, тодорци* и др.); избегание света и появление в ночное время (тодорцы, нави); тенденция к устойчивой зоо-, орнито- или эндоморфности (а не собственно к оборотничеству), ср. русалии-бабочки, нави-птенцы, тодорцы-кони, нявки-кошки, и нек. др.

Наблюдается последовательный параллелизм в названиях этих сезонных демонов-мертвецов и хрононимов, обозначающих периоды их появления (Тодорова неделя – тодорцы; Русале, Русальная неделя – русалки, русалии; а также, возможно, нави – Навский день).

Дни и периоды, отведенные для ”нечистых“ покойников, характеризуются, во-первых, исходящей от них ”сезонной“ опасностью для людей (тодорцы и русалии приносят людям болезни, излечить которые можно лишь только через год, в день, когда они снова появятся на земле); во-вторых, соблюдением запретов (преследующих цель избежать контактов с покойниками, не навредить им, не спровоцировать их на действия, угрожающие жизни и здоровью человека); в-третьих, применением апотропеических мер; в-четвертых, действиями поминального характера (угощением и одариванием покойников, ограничениями в еде), возможно, компенсирующими ”нечистым“ покойникам недостаток посмертного поминовения.

Посвященные ”нечистым“ покойникам поминальные дни отмечаются в трех основных циклах весеннего календаря – ранней весной, в пасхальный и троицкий периоды.

Дни и периоды, которые посвящены своеобразному поминовению ”нечистых“ покойников, обычно приходятся на то время, когда православная церковь по тем или иным причинам вообще не совершает поминальных служб; эти дни и периоды, как правило, не совпадают и с установленными в народной традиции общими днями поминовения предков.

Описанные здесь обычаи следует рассматривать не столько как устойчивую традицию поминовения ”нечистых“ покойников, сколько как архаическую культурную тенденцию, имеющую разную динамику в отдельных регионах Slavia Orthodoxa.

Литература

- Бабовић 1963 – *Г. Бабовић*. Оролик: Историја, живот и обичаји једног Сремског села // СЕЗб, 1963, књ. 76.
- Беновска-Събкова 1991 – *М. Беновска-Събкова*. За русалките в българския фолклор / Български фолклор, 1991, № 1, с. 3-14.
- БЕР – Български етимологичен речник. София, 1971-, т. 1-.
- БМ – Българска митология. Енциклопедичен речник. София, 1995.
- Босић 1996 – *М. Босић*. Годишни обичаји Срба у Војводини. Нови Сад, 1996.

- Виноградова 1986 — *Л. Н. Виноградова*. Мифологический аспект полесской русальной традиции // Славянский и балканский фольклор. М., 1986, с. 88-133.
- Вукомановић 1925 — *Ч. В. Вукомановић*. Ускршњи поклади и "тример" ок. Битоља / / Венац. Београд, 1925, № 11.
- ВФНК — Вятский фольклор. Народный календарь. Котельнич, 1995.
- Гнатюк 1912 — *В. Гнатюк*. Знадоби до української демонології // Етнографічний збірник. Львів, 1912, т. 33-34.
- Гребенарова 1989 — *Сл. Гребенарова*. Заговезни — Тодоровден като преходен период в народния календар // Исторични преглед. София, 1989, т. 45, № 1, с. 55-71.
- Гринченко — *Б. Д. Гринченко*. Словарь украинского языка. Киев, 1907-1909, т. 1-4.
- Делиниколова 1960 — *З. Делиниколова*. Обичаи свързани со поедини празници и неделни дни во Радовиш // Гласник Етнологичкиот музеј во Скопље. Скопље, 1960, књ. 1, с. 135-176.
- Добруджа — Добруджа. София, 1974.
- Занозина 1991 — *Л. О. Занозина*. Терминология календарных обрядов годичного цикла в этнолингвистическом освещении. Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1991.
- Зеленин 1995 — *Д. К. Зеленин*. Очерки русской мифологии. М., 1995.
- Зечевић 1978 — *Сл. Зечевић*. Самртни обичаји у околини Зајечара // ГЕМБ, 1978, књ. 42, с. 383-398.
- Зечевић 1981 — *Сл. Зечевић*. Митска бића српских предања. Београд, 1981.
- Зечевић 1993 — *Сл. Зечевић*. Веровања из традиције становништва приобалних насеља Доњег Дунава // ГЕМБ, 1993, књ. 57.
- Кабакова 1989 — *Г. И. Кабакова*. Терминология восточнороманской календарной обрядности в сопоставлении со славянской. Дис... канд. филол. наук. М., 1989.
- Кабакова 1989а — *Г. И. Кабакова*. Материалы для румынской демонологии // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. Проблемы культуры. М., 1989, с. 133-150.
- Капанци — Капанци: Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. Етнографски и езикови проучвания. София, 1985.
- Костић 1968-1969 — *П. Костић*. Годишњи обичаји у Неготинској Крајини // ГЕМБ, 1968/69, књ. 31/32, с. 363-396.
- Милорадович 1991 — *В. П. Милорадович*. Житје-бытје лубенского крестьянина // Українці: Народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991, с. 170-341.
- Милутиновић 1971 — *В. Милутиновић*. Обредна пецива у Војводини // Гласник етнографског института, 1967/1968, књ. 16/18. Београд, 1971, с. 125-159.
- Никифоровский 1897 — *Н. Я. Никифоровский*. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.
- Онищук 1909 — *А. Онищук*. Матеріяли до гуцульської демонології // Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів, 1909, т. 11, ч. 2, с. 1-139.
- ПА — Полесский архив Института славяноведения и балканистики РАН.
- ПВЛ — Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комм. Д. С. Лихачева. СПб., 1996.
- Попов 1991 — *Р. Попов*. Светци близнаци в българския народен календар. София, 1991.

- ППГ – Пахаванні. Памінкі. Галашэнні. Мінск, 1986.
- РАМ – Российская академия музыки. Фольклорный архив кабинета народной музыки.
- Сорочяну 1995 – *Е. С. Сорочяну*. Терминология болгарской календарной обрядности в сравнении с гагаузской (на материале болгарских и гагаузских говоров Бессарабии). Дис. канд. филол. наук. М., 1995. Рукопись.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–, вып. 1–.
- Странджа – Странджа. Материална и духовна култура. София, 1996.
- Телбизовы 1963 – *К. Телбизов, М. Векова-Телбизова*. Традиционен бит и култура на банатските българи // СБНУ, 1963, кн. 51.
- Тодорова 1990 – *Д. Тодорова*. Традиционни пролетни и летни празници и обичаи в Провадийския Сърт // Известия на Народния Музей – Варна. Варна, 1990, кн. 26 (41), с. 208–221.
- Толстая 1986 – *С. М. Толстая*. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю. Д – И // Славянское и балканское языкознание. М., 1986, с. 98–131.
- Толстая 1995 – *С. М. Толстая*. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю. Р – Я // Славянское и балканское языкознание. М., 1995, с. 251–317.
- Толстой 1990 – *Н. И. Толстой*. Южнославянские *Тодорица/ Тодоровден*. Обряд, его структура и география // Балканские чтения. 1. М., 1990, с. 101–109.
- Фасмер – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973, т. 1–4.
- Филиповић 1939 – *М. Филиповић*. Обичаји и веровања у Скопској Котлини // СЕЗБ, 1939, књ. 54, с. 277–566.
- Филиповић 1968 – *М. Филиповић*. Нави код балканских Словена // Лесковачки зборник. Лесковац, 1968, № 8.
- Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к "Харьковскому календарю". Харьков, 1894, вып. 8, с. 1–384.
- Чубинский 1972 – *П. П. Чубинский*. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. СПб., 1872, т. 1.
- Шейковский 1860 – *К. Шейковский*. Быт подолян. Киев, 1860, т. 1, вып. 2.
- Шейн 1890 – *П. В. Шейн*. Материалы для характеристики быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1890, т. 1, ч. 2.

**O todorcih, rusalkah in drugih prikaznih
(Mrličī-demoni in “nečisti” pokojniki v pomladnem koledarju slovanskih narodov)**

Tatjana A. Agapkina

“Nečisti” pokojniki se podobno kakor predniki pojavljajo na “tem” svetu v določenih koledarskih dobah in ob določenih dnevih. V nasprotju s predniki se ravno “nečistim” pokojnikom pripisuje sposobnost posmrtnega spreminjanja v demone, ki koledarsko zapolnjujejo lokalne slovanske mitološke sisteme. Opazen je dosledni paralelizem imen teh koledarskih demonov-mrličev s krononimi, zaznamujočimi dobe njihove pojavitve (Todorjev, prvi postni teden - todorci; Rusale, rusalski teden - rusalke, rusalije; morda pa tudi navski dan - navi).

Dobe, določene za obisk “nečistih” pokojnikov, zaznamujejo med drugim dejanja zadušnega značaja (pogostitve in obdarovanja pokojnikov, vzdržnost pri jedi), ki najbrž nadomeščajo pomanjkanje posmrtnih molitev. “Nečistim” pokojnikom posvečeni zadušni dnevi se obhajajo v treh osnovnih ciklih pomladnega koledarja - zgodaj spomladi, v velikonočni in binškošni dobi. Ti dnevi in dobe padejo navadno v čas, ko pravoslavna cerkev iz teh ali onih vzrokov sploh ne opravlja zadušnic; praviloma se tudi ne pokrivajo z izročilno ustaljenimi splošnimi dnevi molitev za prednike.